

Видение короля

О новой повести Владимира Маканина,
«Знамя», № 1, 1993 *Сегодня. 1993. - 16 марта. - С. 13.*

Андрей Немзер

Р

о ночных страхах и ненаступившем утре. Финальная глава новой повести Маканина — череда коротких, рваных фрагментов, разделенных строками отточий. В последний раз выныривают из темноты маски персонажей, что на протяжении нескольких ночных часов (то есть всей жизни) мытарили душу героя, в предыдущей главе свалившегося в инфаркте на «стол, покрытый сукном и с графином посередине».

Повесть так и называется. И описан в ней этот самый стол гораздо обстоятельнее, чем неотвязно думающий о нем человек со слабым сердцем. Или чем коридор и кухня, по которым перемещается обреченный на «спрос» (главное слово маканинской повести).

Предметы жухнут на глазах. Старый плащ используется вместо халата. Действия проваливаются. Обреченный может случайно вспомнить, что он только что пил чай, сам того не заметив. Проваливаются и куда более важные обстоятельства: «по какому поводу они меня вызывают?» — вдруг спохватывается тот, кого завтра будут спрашивать. Он весь в этом завтра. А зачем его ждут — не помнит. Причина — деталь, вроде чаепития, выкипающего отвара успокоительных трав, изношенной домашней одежки — все это и существует, и как бы снится. Все это опрокидывается в близкий хаос ночи, подсознания, «спроса».

Мы слышали, как было сказано по телефону недовольным голосом: «В конце концов это нужно вам, а не нам — вам нужна характеристика, справка о зарплате, а также справка, почему и как вы уволитесь». Но мало ли что: когда-то кем-то было сказано! К тому моменту, когда забылась причина вызова к столу, за

которым всегда сидят одни и те же люди со свойствами, определенными раз и навсегда, как в старинном фарсе; к тому моменту, когда все социологические, исторические, психоаналитические, мифологические, метафизические и еще неведомо какие трактовки происходящего уже прошептаны героем (подсказаны автором читателю, поднагноревшему в соответствующей литературе и страсть как любящему размахивать дешевыми интеллектуальными отмычками) — в общем, к тому моменту еще и не такое забудешь.

Медленно, ощупью, проваливаясь в пробелы, разделяющие эпизоды, мучительно ища соответствий в тумане кошмаров, не отпускающих «спрашиваемого», мы движемся к развязке. Вот мы уже поняли, что самоидентификация героя («совок», ну разумеется!) не слишком важна. Вот мы смекнули, что ретроспекции (стол, за которым нынче потрошат души, продолжение подвала, где когда-то мордовали предназначенных к «расходу») хоть и убедительны, да не все объясняют. Вот мы усвоили, что любой из «спрашивающих» может вывалиться из своей утвержденной роли, оказаться вне монолитного (столом олицетворенного) «мы» и предстать одиноким «я», которого так же дергают на «спрос». Вот мы доехали: жертвы — те же палачи.

Чем логичнее наши построения, тем гуще смысловой мрак. Если «спрашивающие» — куклы и в то же время ипостаси души подсудного героя («Они уже во мне, это несомненно»), то кто же он? «Мои ночные страхи — это я сам» — раз так, то и претензия на «божественность» (в чем прямо обвинены «спрашивающие») — грех героя. Но ведь он сейчас вне стола, но ведь он один? Наготове новое возражение: «Я ведь не могу уже без суда. Я ведь не могу быть один на один с своей душой. Она уже не моя. Возьмите ее. Пожалуйста, возьмите».

Вспоминая подвалы 30-х и психушки 70-х, маканинский страдалец выводит зависимость: чем злее крушили тело, тем меньше требовали от души. Но

почему же ноченька заставила вспомнить те истязания — да так конкретно? Почему «спрос» так сказывается на физическом состоянии? Почему так тянет к себе символический стол, заставивший-таки выйти ночью из дома, пробраться в учреждение и рухнуть в инфаркте? Или все это сон, который мы приняли за бессонницу? И строки отточий, заменившие в последней главе привычные пробелы, сигнализируют не о прерывах сознания умирающего, но лишь о победе сна без сновидений?

Двойное прочтение финала (было или грезилось?) стирает черту, отделяющую сон от реальности. И когда герой корит себя за то, что к совковому спросу он относится как к Страшному Суду, и когда он словно зовет физическую муку, дабы избавиться от душевной боли, и когда завидует тем, кто, страдая физически, якобы сберегал свое «я» от чужих лап (да откуда «чужим» взяться — у Маканина все «свое») — не надо понимать это слишком буквально. Нет, герой не лукавит. Он просто хочет объяснить то, что не поддается логике. Не он первый.

«Король ходит большими шагами // Взад и вперед по палатам; // Люди спят — королю лишь не спится; // Короля султан осаждают». Великий грешник ночью приходит в озаренную свечами, залитую кровью церковь; видит убитого им когда-то отца, предателя-брата, султана, торжествующего над христианами; с короля заживо сдирают кожу. «Громко мученик Богу взмолился: // Прав Ты, Боже, меня наказуя! // Плоть мою предай на растерзанье, / Лишь помилуй душу, Иисусе! // Плоть осталась неведимой, душа — осужденной на муку. И как нет покоя пушкинскому королю, так нет покоя пытаемому ускользнуть в уютные «объяснения происходящего» маканинскому герою. «Полый», бесхарактерный, никакой, он обречен вобрать в себя всю непереносимую, наносящую обличь муку ночного одиночества, которому нет конца.